

Русская старина

Том 70

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русская старина: Том 70 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 750 с.

ISBN 978-5-518-01087-1

ISBN 978-5-518-01087-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. Островский

МОСКВА и КАЗАНЬ ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

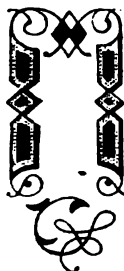
Записки Ивана Алексѣевича Второва ¹⁾.

I.

Воспоминанія московской жизни моей — Первый слухъ о кончинѣ императора Павла и о восшествіи на престолъ Александра Павловича. — Его торжественный въѣздъ въ Москву и коронованіе.

[Писано въ 1822 г.].

Пріятно вспоминать подъ старость юны дѣта.

Прошло уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ я въ первой разѣ пріѣхалъ въ Москву, а теперь еще помню, какъ будто было это вчера; такъ сильно врѣзалось впечатлѣніе въ моей памяти. Тогда былъ я молодъ, здоровъ, свободенъ и веселъ, но небогатъ.

Одно это пугало меня, какъ я буду жить въ столицѣ, при недостаточномъ состояніи, какія найду знакомства и приобрету ли что для образованія себя по непреодолимой склонности моей отъ самаго дѣтства къ наукамъ и просвѣщенію? Я предполагалъ

---

¹⁾ Выдержки изъ этого отрывка интересныхъ записокъ И. А. Второва были приведены покойнымъ М. Ф. де-Пуле въ статьѣ: „Отецъ и сынъ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1870-хъ годовъ, но въ виду особеннаго интереса этого разсказа мы, по совѣту академика Л. Н. Майкова, печатаемъ вновь эти записки, притомъ въ болѣе полномъ видѣ и по подлинной рукописи автора, сообщенной намъ покойнымъ Александромъ Николаевичемъ Яхонтовымъ.

Ред.

пробыть тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратиться въ свое жилище къ роднымъ моимъ и знакомымъ, но вмѣсто того прожилъ въ Москвѣ и Петербургѣ два года такъ пріятно и весело, что это время было лучшею эпохою во всю семидесятилѣтнюю жизнь мою.

Въ Москвѣ у меня знакомыхъ было только 4 дома нашихъ симбирскихъ помѣщиковъ: именно Степана Григор. Мельгунова, Николая Алексѣев. Дурасова, Александра Дмитр. Карпова, бывшаго въ Симбирскѣ губернатора, и Ивана Петровича Тургенева, которые знали коротко меня и любили, пятого дома хозяина Павла Иванов. Комарова я никогда не видалъ, но по знакомству его съ моею сестрою съ нимъ переписывался.

1801 года января 28 числа утромъ, въ воскресенье, въѣхалъ я въ огромную Москву. Проѣзжая улицами, смотрѣлъ на красивые дома и на толпы людей идущихъ и ѣдущихъ. Вотъ, думалъ я, городъ, о которомъ мечталъ такъ много и который ограничивалъ всѣ мои желанія. Здѣсь никто меня не знаетъ. Позволить-ли состояніе мое завести знакомства? Можетъ быть, никто не удостоитъ меня и своего вниманія.

Остановился на Тверской улицѣ въ Цареградскомъ трактирѣ (тогда еще не называли гостинницами); на заставѣ при въѣздѣ въ городъ взяли у меня отставной указъ мой и велѣли получить его обратно отъ здѣшняго коменданта. Я послалъ моего человѣка за симъ указомъ, но онъ, возвратясь, сказалъ мнѣ, что должно взять его не отъ коменданта, а отъ оберъ-полицмейстера, къ которому надобно явиться лично самому.

Итакъ, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ я къ оберъ-полицмейстеру Федору Федоровичу Эртелю. Дожидаясь выхода въ его канцеляріи, видѣлъ какъ изъ внутреннихъ комнатъ полицейскіе офицеры провели какихъ-то двухъ дамъ подъ черными капорами, съ заплаканными глазами. За ними тотчасъ вышелъ и г. Эртель, въ полной униформѣ, потребовалъ мой пачпортъ, прочиталъ его и спросилъ меня, долго-ли я пробуду въ Москвѣ? и учтивымъ образомъ возвратилъ мнѣ его, сказавши, чтобъ я изволилъ росписаться. Дѣло кончено.

Я поѣхалъ вновь знакомиться съ извѣстными мнѣ людьми; былъ у господъ: Мельгунова, Дурасова и Карпова, потомъ у Павла Ивановича Комарова, нашелъ въ немъ прекраснаго образованнаго человѣка лѣтъ въ 40. Онъ былъ холостъ, богатъ и жилъ въ собственномъ домѣ съ зятемъ своимъ, несчастнымъ обгорѣлымъ слѣпцомъ, Андреемъ Алексѣевичемъ Соколовымъ, который былъ женатъ на сестрѣ его и о которомъ я буду говорить послѣ. Оба они обласкали

меня какъ роднаго, потому болѣе, что оба полюбили сестру мою, бывшую прежде въ Москвѣ съ сестрою Павла Ивановича, бригадиршею Цызыревою, и стояли у него въ домѣ. Я у него обѣдалъ и онъ пригласилъ меня непременно переѣхать къ нему изъ трактира. Вечеромъ пріѣхалъ къ Ивану Петровичу Тургеневу, который жилъ въ университетѣ и былъ его директоромъ.

Здѣсь весь вечеръ провелъ я въ самомъ пріятномъ обществѣ. Хозяинъ самъ почти не вставалъ съ постели отъ болѣзни; съ нимъ бесѣдовали другъ бѣдныхъ—Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и лучший поэтъ нашъ—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, которыхъ видѣлъ я первый разъ; но въ комнатахъ дѣтей его, коротко познакомившихся со мною еще въ Симбирскѣ, Андрея Ивановича и Александра Ивановича, нашелъ я многихъ молодыхъ писателей, извѣстныхъ по сочиненіямъ въ издаваемыхъ тогда журналахъ; помню только князя Якова Козловскаго и В. А. Жуковскаго, да пожилаго уже Максима Ивановича Невзорова.

Меня пригласили въ театръ университетскаго пансіона, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ дѣтьми г. Тургенева; играли драму „Добрый сынъ“, переведенную питомцами изъ Беркенева „L'ami des enfans“, и прекрасно! Актеры, переодѣтыя актрисы и полный оркестръ музыкантовъ—были всѣ пансіонные воспитанники. Зрители—большая часть родителей, родственники и знакомые воспитывающихся въ пансіонѣ дѣтей у гг. Тургеневыхъ, два брата были тутъ-же въ пансіонѣ. И такъ первый день моего пріѣзда въ Москву я провелъ самымъ пріятнымъ образомъ.

Въ трактирѣ почевалъ я только одну ночь, а на другой день переѣхалъ на житье къ П. И. Комарову въ домъ его, состоящій близъ Сухаревой башни, въ приходѣ Св. Троицы, въ Троицкой улицѣ.

Пріѣздъ мой въ древнюю нашу столицу былъ въ самомъ началѣ сырной недѣли. Всѣ публичныя увеселенія были открыты: театры, маскарады и собранія наполнены людьми; мнѣ удалось видѣть почти всѣхъ жителей московскихъ и всѣ ихъ увеселенія.

29 января, во вторникъ, отъ Ст. Григ. Мельгунова присланъ мнѣ визитерной билетъ въ Благородное собраніе. Въ 8 часовъ вечера поѣхали мы туда въ каретѣ съ П. И. Комаровымъ, Елизаветою Матвѣевою Ратьковою и ея дочерью, дѣвицею Елизаветою Михайловною. Входъ въ освѣщенныя комнаты, особливо въ огромнѣйшій длинный залъ, наполненные лучшимъ дворянствомъ обоюга пола, былъ поразителенъ. Въ тотъ вечеръ до четырехъ тысячъ персонъ, собранныхъ въ одномъ домѣ, одѣтыхъ въ лучшее платье, особливо дамы и дѣвицы, украшенныя брилліантами и жемчугомъ, составляли

для меня восхитительное зрѣлище, какимъ я никогда не наслаждался. Здѣсь видѣлъ я всѣхъ красавицъ московскихъ, всѣхъ почетнѣйшихъ людей вѣка Екатерины Великой и даже Елизаветы императрицы, каковы, на примѣръ, двое братьевъ—Федоръ Андреевичъ и Иванъ Андреевичъ графы Остерманы и проч.

Кавалеры всѣ, безъ исключенія, въ мундирахъ со шпагами и башмакахъ, подъ пудрою. Какая вѣжливость, учтивость и благопристойность!.. Ежели по тѣснотѣ вы кого, или васъ кто нечаянно задѣнете, то всегда съ приятною миною и уклончивостію извиняются. Французскій языкъ больше въ употребленіи, нежели русскій. Въ такомъ множествѣ людей нѣтъ грубаго шума, какой слышанъ въ маскерадахъ или другихъ общихъ собраніяхъ, но какой-то пріятный гулъ и шорохъ отъ движущихся массъ народа. Залъ великолѣпный и обширнѣйшій освѣщенъ множествомъ люстръ и разноцвѣтныхъ въ стаканчикахъ огней. На внутреннихъ верхнихъ балконахъ вкругъ всего зала, поддерживаемыхъ множествомъ колонъ, два оркестра музыкантовъ, одинъ инструментальный, а другой роговой музыки; а внизу, возлѣ стѣнъ, сдѣлано возвышеніе о двухъ ступеняхъ, окруженное перилами, и по обѣимъ сторонамъ мягкіе диваны, для сидящихъ зрителей. Посреди зала въ нѣсколько круговъ танцуютъ, а по возвышеннымъ переходамъ между сидящихъ на диванахъ, какъ равно и по залу, прогуливаются. Въ другихъ комнатахъ играютъ въ карты; въ концѣ зала, на противной сторонѣ буфета, на высокомъ пьедесталѣ стоялъ мраморный бюстъ Екатерины Второй, тогда безъ всякаго освѣщенія, а по вступленіи на престолъ Александра Павловича былъ всегда освѣщаемъ.

Конфекты, мороженое, лимонадъ и аршадъ во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ комнатахъ подносятъ богато-одѣтые официанты съ медалями, означающими номеръ. Цѣна умѣренная и платятъ мелкимъ серебромъ. Здѣсь можно видѣть всѣ ордена кавалерскіе, военные, придворные и штатскіе мундиры, всѣхъ полковъ и всѣхъ губерній, не только русскіе, но и другихъ государствъ.

Въ густой блестящей толпѣ вдругъ встрѣтился я съ знакомыми лицами, узнали другъ друга, обрадовались какъ ближніе родные и не разлучались до самаго разъѣзда изъ собранія: это были Василій Николаевичъ и Анна Васильевна, Пановы, Федоръ Михайловичъ, его дочери Капитолина и Марья Федоровна Тимашевы. Любезная Анна Васильевна записала мнѣ приходъ и урочище дома своей квартиры; всякой день послѣ того я видѣлся съ сею почтенною женщиною. Она имѣетъ въ Москвѣ много знакомыхъ и родныхъ, мы часто ѣздили съ нею къ ея знакомцамъ на обѣды и вечера.

Черезъ нее познакомился я коротко съ четырьмя домами: господь Ладыженскихъ, Дмитрія Ѳедор. и Андрея Ѳедоровича, тетки ея, любезной старушки Анны Петровны Кроткой, урожденной княжны Волконской, Григорья Борисовича Кошелева и брата Вас. Никол., Алексѣя Николаевича и Елизаветы Борисовны Пановыхъ. У всѣхъ ихъ бывалъ я часто и послѣ отъѣзда изъ Москвы Анны Васильевны.

Сырная недѣля доставила мнѣ случай видѣть всѣ увеселенія московскихъ жителей; всякой день были спектакли, маскарады и катанья; я былъ вездѣ. На катаньѣ нѣсколько тысячъ каретъ, колясокъ, возковъ и саней тянутся въ два ряда, а на Москвѣ-рѣкѣ катаются на ледяныхъ горахъ. На прощальный день, въ послѣднее воскресенье, въ маскарадныхъ залахъ Петровскаго театра, съ 10-ти часовъ утра, начинается денной маскарадъ, а съ 8-ми часовъ вечера—ночной. Многие остаются въ обоихъ, обѣдаютъ или завтракаютъ въ семь домѣ. Денной маскарадъ для меня былъ занимательнѣе ночнаго, потому-что въ немъ можно видѣть день и ночь вмѣстѣ. Первый залъ съ прихода длинный и большой, освѣщенъ солнечнымъ свѣтомъ, изъ него входишь въ огромный круглый залъ, называемый ротонда; тамъ ночь, ни одного окна, окруженъ колоннадою, поддерживающею оркестры музыкантовъ, внизу кругомъ переходы, между каждой колонны висятъ люстры, которыхъ множество повѣшано съ потолка, сдѣланнаго куполомъ. Множество горящихъ восковыхъ свѣчъ въ люстрахъ ярко освѣщаютъ всю ротонду, и слѣдовательно представляють ночь среди дни. Людей обоихъ половъ наполнено въ обѣихъ залахъ чрезвычайное множество разныхъ состояній: дворянства, купечества и иностранцевъ, одѣтыхъ въ разныя маскарадныя платья и съ разными каррикатурными масками; многие безъ масокъ, но непременно въ доминахъ или венецьянахъ и въ шляпахъ. Въ обѣихъ залахъ танцуютъ нѣсколько круговъ, а по переходамъ ротонды и въ боковыхъ комнатахъ играютъ въ карты, ходятъ изъ однихъ комнатъ въ другія или сидятъ. Въ 12 часовъ ночи заиграютъ на трубахъ и всѣ танцы прекращаются. Тутъ начинается разѣздъ и оканчивается уже часовъ въ шесть утра, когда разсвѣтаетъ. Посему можно заключить, какое бываетъ многочисленное собраніе людей и разныхъ экипажей.

Въ великой постъ уже не бываетъ ни спектаклей, ни маскарадовъ. Въ благородномъ собраніи съѣзжаются обыкновенно, какъ и прежде, по два раза въ недѣлѣ (кромѣ первой и страстной недѣль), во вторникъ и четвертокъ, но только уже танцевъ не бываетъ. Сіи великолѣпныя и также многолюдныя собранія называютъ концертомъ. Тутъ играетъ музыка, а члены и визитеры сидятъ, ходятъ,

разговариваютъ, а большая часть играютъ въ карты. При жизни царствующаго тогда императора Павла запрещены были названія клубовъ, вмѣсто того при мнѣ было два прежніе клуба подъ названіемъ Академій, музыкальной и танцевальной. Первая для дворянства, а вторая для купечества и иностранцевъ. Въ нихъ читаютъ газеты и журналы, играютъ въ карты и на билліардѣ, обѣдаютъ и ужинаютъ, иногда бываютъ и балы, на которые съѣзжаются и дамы.

Я былъ въ обѣихъ Академіяхъ визитёромъ. Въ музыкальной старшинами и членами лучшіе люди изъ московскаго дворянства. Тутъ видѣлъ я многихъ извѣстныхъ писателей, изъ которыхъ часто бывалъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ; онъ небольшого роста, худощавъ, фізіономія не взрачная, но умная и добрая. Николай Михайловичъ Карамзинъ былъ старшиною Академіи, но я, бывши три раза въ сей Академіи, не видалъ его, и что еще удивительнѣе, ни въ одномъ публичномъ собраніи, ни въ театрѣ, нигдѣ не случилось видѣть сего любимаго мною писателя. Онъ выѣзжалъ только въ знакомые ему частныя дома. Два раза случалось, что я нѣсколькими минутами не заставалъ его въ домѣ Ивана Петровича Тургенева. Сынъ его, Андрей Ивановичъ, сказывалъ ему о желаніи моемъ съ нимъ познакомиться и общалъ вмѣстѣ со мною ѣхать къ нему, однако-же за разными отвлеченіями этого не случилось до тѣхъ поръ, когда я пріѣхалъ къ нему одинъ.

Я часто бывалъ въ домахъ Ст. Григ. Мельгунова, Николая Алексѣевича Дурасова, Александра Дмитріевича Карпова, часто обѣдалъ у нихъ и имѣлъ случай узнать многихъ богатыхъ и знатныхъ жителей московскихъ; наконецъ, увидалъ и любезнаго автора—Николая Михайловича Карамзина.

Февраля 14-го числа въ четвертое объявлено было афишами, что первый разъ еще въ Россіи будутъ давать концертъ славную ораторію г. Гайдена: Сотвореніе міра. Въ большомъ кругломъ залѣ Петровскаго театра (ротондѣ) собрано было около трехъ-сотъ лучшихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, которыми дирижировали гг. Денглеръ и Керцелли. Кантаты и речитативы переведены были съ нѣмецкаго Н. М. Карамзинимъ. Купивши билетъ для входа (5 р. ассиг.) пріѣхалъ я въ 5 часовъ вечеромъ съ Андреемъ и Александромъ Ивановичами Тургеневыми, въ ротонду; тамъ было уже большое собраніе изъ лучшей московской публики кавалеровъ и дамъ. Концертъ еще не начинался; мы ходили по залу, встрѣчались съ знакомыми и разговаривали. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Андрей Ивановичъ и говорить—хочу-ли я видѣть Николая Михайловича Карамзина?

Онъ подвелъ меня къ переходамъ и указалъ на человѣка, стоящаго возлѣ колонны въ медвѣжьей шубѣ, крытой темно-зеленымъ казимиромъ. Физиономія его показалась мнѣ болѣе доброю, нежели остроумною, ростомъ около 8 вершковъ. Я долго смотрѣлъ на него, воображалъ себѣ всѣ его творенія, какія читалъ я съ восхищеніемъ, представлялъ себѣ и то, какъ сіе милое лицо улыбалось, съ непріятнымъ ощущеніемъ читая язвительную на него сатиру въ одѣ: Въ честь моему другу ¹⁾.

Андрей Ивановичъ хотѣлъ меня тутъ-же познакомить съ нимъ, но я, почтя за неприличное, отклонилъ его, условясь ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ нему на другой или на третій день. Начался концертъ: все собраніе слушателей, которыхъ было около трехъ тысячъ, кто гдѣ ходилъ, стоялъ или сидѣлъ, тутъ всякой и остановился. Шумъ отъ шарканья и разговоровъ утихъ, всѣ устремились на оркестръ, восхищались музыкою и пѣніемъ; я чувствовалъ пріятную гармонію, но не могу изъяснить моихъ чувствованій.

Ни на другой, ни на третій день не удалось мнѣ быть вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ у г. Карамзина, а былъ я у него одинъ 23-го февраля, въ субботу. Онъ стоялъ на квартирѣ въ каменномъ домѣ портнаго Шмита, на Никольской улицѣ. Я пріѣхалъ къ нему по утру, часовъ въ 10, и нашелъ его только что возвратившагося съ утренней прогулки, которую обыкновенно дѣлаетъ онъ каждый день. Онъ встрѣтилъ меня ласково, и когда сказалъ я о себѣ, то онъ отвѣчалъ, что уже меня знаетъ по словамъ А. И. Тургенева, и читалъ мои сочиненія, напечатанныя въ двухъ журналахъ. Мы сидѣли съ нимъ въ диванной его комнатѣ, пили кофе, говорили о литературѣ, о Симбирскѣ и о старшемъ его братѣ, Васильѣ Михайловичѣ, знакомомъ мнѣ по Симбирску.

Не изъ лести, а отъ чистаго сердца я сказалъ ему, что, не зная его лично, давно уже почиталъ и любилъ его за сочиненія, которыя всегда читалъ я съ восхищеніемъ. Онъ спрашивалъ меня, гдѣ я учился? Какъ старшина музыкальной академіи, предлагалъ мнѣ записаться членомъ оной. На столѣ у него лежали напечатанные листы „Московского Журнала“, издаваемаго имъ въ 1791 и 1792 годахъ. Книгопродавцы перепечатывали его вновь, съ позволенія издателя, и онъ самъ разсматривалъ корректуру. Вдругъ

---

¹⁾ Эта сатира написана Павломъ Ивановичемъ Кутузовымъ, бывшимъ тогда кураторомъ университета, и напечатана въ „Иппокренѣ“, 4-й части, на страницѣ 17, гдѣ всѣ его сочиненія поименованы какъ развратныя и подвергали автора опасности.

вошелъ къ намъ въ комнату какой-то французскій графъ-эмигрантъ, который пріѣхалъ тогда въ Москву; начали говорить по французски, и изъ разговоровъ ихъ замѣтилъ я, что они познакомились прежде во время путешествія Н. М. по Европѣ. Я, побывши нѣсколько, раскланялся и вышелъ, удостоясь его привѣтствія, чтобы посѣщать его чаще.

Въ другой разъ посѣщеніе мое къ нему было кратковременно и неудачно. Недѣли черезъ двѣ послѣ того вошелъ я къ нему въ ту-же комнату; на лѣвой сторонѣ, у окна, гдѣ прежде сидѣли мы съ нимъ, и на моемъ мѣстѣ сидѣлъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, а напротивъ его, въ правой сторонѣ отъ двери, сидѣлъ хозяинъ, обвязанный платками, съ болѣзненнымъ лицомъ; возлѣ его стояли два лекаря и готовились выдергивать у него больные зубы. Онъ встрѣтилъ меня сими словами:

— „Извините меня, милостивый государь, видите въ какомъ я положеніи, прошу васъ въ другое время“.

Такой пріемъ огорчилъ меня и заставилъ, извиняясь ему взаимно, выйти. За дверью слышалъ я, что г. Дмитріевъ спрашивалъ его обо мнѣ, не Урусовъ-ли я? Не успѣлъ я перейти еще чрезъ залъ, какъ Николай Михайловичъ выбѣжалъ за мною и, назвавъ меня по имени, извинялся, что онъ не узналъ меня, что дня чрезъ четыре онъ будетъ здоровъ, и просилъ тогда къ себѣ, что онъ всегда будетъ радъ моему посѣщенію. Я изъявлялъ ему сожалѣніе о его болѣзни и о безвременномъ моемъ посѣщеніи и уѣхалъ довольнымъ. Послѣ того, во все время моего пребыванія въ Москвѣ я не былъ у него и нигдѣ не видался съ нимъ, потому что весною жилъ онъ на дачѣ, а потомъ уже женился на первой супругѣ его, урожденной Протасовой.

Московская жизнь моя въ первые дни доставила мнѣ много пріятности въ разсужденіи новыхъ предметовъ, новыхъ знакомствъ, но для чувствительнаго сердца, существующаго безъ цѣли, безъ плановъ и надежды, была отравою одна мысль о будущей безызнѣтности и о бѣдномъ положеніи моего состоянія въ свѣтскихъ пышностяхъ. Позволить-ли достатокъ мой быть часто въ тѣхъ домахъ, которыми я здѣсь такъ много обласканъ? Одни переѣзды въ отдаленныхъ разстояніяхъ обширнаго города составляютъ уже для меня ощутительныя издержки. Впрочемъ, гостепріимные хозяева вездѣ почитаютъ за одолженіе, когда пріѣдешь къ нимъ на обѣдъ или на вечеръ, и пеняютъ, что не часто къ нимъ пріѣзжаю, такъ что все-бы время моего проживанія въ Москвѣ могъ я никогда не имѣть своего обѣда, что точно и было со мною.